

СОЦИОЛОГИЯ КАК ДИСКУРС/ДИСКУРСЫ

В. Д. ПЛАХОВ

ПЛАХОВ Владимир Дмитриевич - доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). E-mail: plahovv@yandex.ru

Аннотация. Дискурс в науке - это представленность научного знания в языке, свойственном данной науке. Он имеет социальную природу. Анализ социологии как дискурса предполагает ее науковедческое - демонстративное и эпистемологическое - исследование. Есть дискурсы отдельной социологической школы, социологической концепции. Дискурсы бывают социальные и эпистемологические, "инновационные" и "традиционные". Их особенности связаны с временем, местом, мировоззрением, методологией, личностью автора и т.д. Дискурс - средство, стимул и интенция социологической коммуникации.

Ключевые слова: дискурс * функции дискурса * типы дискурса * дискурс и язык науки * принцип дискурса * дискурсивность социологии

Крупный исследователь дискурса М. Л. Макаров выделяет "язык в себе" (1), "язык в нас" (2) и "нас в языке" (3) [1, С. 243]. И если говорить о науке как особой специфичной дискурсивной системе (что нас интересует более всего), то знание любой науки предполагает знание ее языка и его профессиональное использование, что, в свою очередь, требует определенных знаний, обретаемых ученым в процессе овладения профессиональными навыками.

Наука - не только система знаний вполне определенного качества и вполне определенного количества, но это еще и языковая система, опять же определенного качества и определенного количества при их (этих систем), подчеркнем совершенно категорически, органичной неразрывной связи, которая отвечает, на что я уже указал, требованию релевантности. Дискурс вообще и дискурс научный, в частности - это речемыслительная система. И иной не может быть принципиально ни одна наука, ни одна научная система. Что касается сугубо научного дискурса как дискурса особого качества, здесь необходимо сформулировать общий принцип: научный дискурс строится на строго обоснованных основаниях, фактах, прошедших проверку и подтвержденных в ходе авторитетной экспертизы.

Рассматривая этот принципиально важный и новый в анализе социологии как науки вопрос, мы сталкиваемся в действительности с целым рядом проблем, до самого последнего времени не получивших ни достаточного освещения, ни удовлетворительного понимания в научном мире. Причем проблемы эти с точки зрения их исследования и объяснения имеют как общенаучный, точнее говоря, науковедческий, так и специфический, в нашем случае - связанный с отдельной самостоятельной наукой, в каком-то качестве выступает социология, аспекты. И касаясь данных проблем первоначально в общем плане, необходимо констатировать следующее.

Наука - не просто особого рода знание, отличающееся от теологического, эзотерического, художественного, ремесленного, хозяйственно-бытового ("кухонного"), по

терминологии акад. Струмилина), но это и особая языковая система. Физика, биология, медицина, философия, психология и т.д., будучи самостоятельными научными дисциплинами, относятся друг к другу как особые сложившиеся в истории культурного развития человечества терминологические системы. Каждую такую систему, и этот факт вряд ли кто осмелится оспаривать, отличает специфический тезаурус, которые мы называем по отдельности наукой: "физикой", "биологией", "психологией", присущ определенный глоссарий, и т.д. Наука и отдельные научные дисциплины есть не просто системы знаний, которые получают в обществе по ряду здесь не рассматриваемых причин статус научных, это еще и системы, которые в современной эпистемологии должны быть представлены как специфические речемыслительные дискурсы.

Природа дискурса изучена недостаточно. Лишь во второй половине XX столетия дискурс как феномен привлек к себе внимание ученых и стал предметом научной дискуссии [3; 4; 5 - 10]. В этой дискуссии наиболее привлекательно не только объяснение дискурса как "высказывания", а объединение в последнем языка и мысли, когнитивного и прагматического актов человеческой деятельности. Именно поэтому дискурс стал предметом одновременно целого комплекса наук: лингвистики, семиотики, семиологии, социологии, культурологии, психологии, этологии, гносеологии и др.

С учетом дискуссионности вопросов и объяснения дискурса как феномена, имеющего - подчеркну от себя - сугубо *социальную* природу, выскажу некоторые соображения.

Во-первых, дискурс - социокультурное образование. Это означает, что дискурс: а) продукт определенной культуры; б) органично связан (по содержанию и форме) с культурной организацией общества и ее динамикой. Дискурс буквально вписан во все культурные процессы и является непременным, неотъемлемым элементом сложной социально-культурной структуры. Жизнь последней в известном отношении реализуется в дискурсе (дискурсах); в) дискурс исторически меняется по содержанию и формам, демонстрируя при этом относительную устойчивость, что дает основание говорить о его, дискурса, "эпохальности"¹; г) являясь воплощением когнитивных (идеально-мыслительных) и сенситивных (идеально-психических) образов в материально-знаковых формах и именно в языке -изначально социокоммуникативном образовании - дискурс выступает одновременно и как специфическая социальная субстанция (будучи, о чем уже сказано, видом субъективной деятельности) и как социальная функция, заключающаяся, прежде всего, в знаково-языковой коммуникации.

Во-вторых, дискурс нормативен и, соответственно, де(над-)индивидуален. В этом плане есть смысл сравнить его с текстом. Проблема "дискурса" и "текста", замечу, стала предметом обсуждения. С учетом ее дискуссионности укажу на следующее. Их различие, при тождестве ряда моментов, заключается именно в том, что текст более индивидуален, он теснее связан с особенностями своего субъекта-автора, субъекта-творца, тогда как дискурс есть произведение социальное, культурное, историческое, более объективированное, обезличенное, и в этом отношении о нем можно говорить как документе. Кроме того, текст более динамичен, вариабелен, дискурсу же присуща резистентность, а в науке - даже консерватизм.

В-третьих, дискурсы различаются по ряду показателей: дискурсы обиходные, связанные с обыденным сознанием, и, соответственно, не отличающиеся строгостью; дискурсы дисциплинарные, связанные с концептуальными формами общественного сознания, к каковым относятся, в частности, религия, право, наука. Рассматривая социологию в соответствии с этим утверждением, констатирую: социология как наука представляет собой особый научный дискурс, которому свойственны не только рассмотренные выше характеристики дискурса как социокультурного феномена, и не только общенаучные характеристики дискурса, адекватного научному сознанию/зна-

¹ Справедливость данного утверждения обосновывается, скажем, в науке биологии эпохой генетики с ее особым дискурсом, в философии эпохой диалектического материализма с его отличительным дискурсом, в науке психологии эпохой фрейдизма с весьма специфичным дискурсом. В жизненно-бытовой сфере общества эпохальность дискурса отчетливо проявляется при сравнении современного периода русской истории с советским периодом.

нию, но и моменты, обусловленные закономерностями и особенностями социологии как "суверенной" научной дисциплины.

Касаясь черт и особенностей социологии с учетом того факта, что социология представляет собой научную форму общественного самосознания и ей, как науке, присущи черты научного дискурса вообще, обращу внимание на следующие метасистемные дискурсивные показатели. Социологический дискурс - а он качественно своеобразный, особый и специфический дискурс - может быть устным и письменным, классическим и неклассическим, индивидуально-авторским и коллективно-авторским, популярным и строгоакадемическим, проблематично-дискуссионным и дидактическим, оригинальным и компилятивным, полемическим и бескомпромиссным, творческим и догматическим, теоретическим, эмпирическим, прикладным, просветительским, словарно-справочным и т.д.

Вместе с тем анализ социологии как дискурсивной системы предполагает ее науковедческое исследование в метасистемном формальном ракурсе, который мы только что и воспроизвели предельно кратко с демонстративными целями, и в эпистемологическом плане, заключающемся в анализе реальных конкретных дискурсов, воплощенных, скажем, в печатных трудах отдельных исследователей. Если - для примера - говорить о классических социологических произведениях, на память приходят дискурсы марксистской (например, "Капитал" К. Маркса), позитивистской (например, Э. Дюркгейм "Самоубийство") и антипозитивистской (например, М. Вебер "Протестантская этика и дух капитализма") социологий. Если говорить далее о социологических дискурсах модерна и постмодерна, то есть историко-эпохальных дискурсах, тут с иллюстративной целью назову дискурсы феноменологической социологии, структуралистской и постструктуралистской социологии, а если вести речь об авторских дискурсах, иллюстрацией таковых могут служить сочинения Э. Гуссерля, А. Шюца, Р. Барта, Ж. Лакана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж. Лиотара и др.

Выделяя дискурсы, типичные для отдельной школы, социологической концепции, эти дискурсы, их содержание, формы и вообще появление и существование обусловлены мировоззрением, гражданской позицией автора (коллектива авторов), социально-историческими и политическими обстоятельствами, индивидуально-личными и социально-групповыми интересами и целями, исследовательскими задачами в области социологии. Любой дискурс и, стало быть, дискурс социологический, есть интегральная система, сложный интегральный продукт взаимодействия многочисленных социальных, культурных, исторических, глобальных и региональных, материальных и идеальных факторов.

Обратив внимание на функциональную природу дискурса, укажу на два общих класса функций, которые выполняют дискурсы социологические. Один класс составляют функции социальные. Другой класс включает функции эпистемологические. В первом случае это функции социального разделения ученых как в личном, так и в групповом планах. Дискурс служит основанием для общественных оценок личности ученого и его наследия, определения отношения к последнему со стороны научного сообщества и общества как реального объединения людей. По дискурсам очень часто мы оцениваем эпохи, в условиях которых жили и творили ученые-социологи. Во втором случае, органично связанном с первым, выделяются функции научной репрезентации и идентификации. Дискурсы репрезентируют ученого и его научную деятельность и служат едва ли не первым и решающим средством, ибо с творчеством деятеля науки мы знакомимся в первую очередь по его трудам, представленным в письменной или устной форме. По дискурсу, кроме того, осуществляется идентификация субъекта ученого и его научной деятельности. Устанавливаются научный исследовательский профиль, время творчества, тема научного интереса, связь с языковой культурой, принадлежность к научной школе, выясняются мировоззренческие и методологические установки, социально-политические убеждения и т.д.

С учетом сказанного можно выделить два общих класса научных, и в их числе социологических, дискурсов, однозначно связанных с двумя типами ученых, и в их

числе ученых-социологов. Один тип дискурса - "инновационный", другой тип дискурса - "традиционный". Появление и существование первого типа дискурса вызваны деятельностью ученого, относящегося к типу "творца", "теурга". Существование второго типа дискурса связано с деятельностью ученого типа "эрудит", а точнее, типа "профессиональный эрудит".

Дискурс позволяет не только создать портрет ученого как личности (профессиональный уровень, научные и социально-политические интересы, гражданские и культурные предпочтения, предметная увлеченность, психологические черты, этос и т.д.), раскрыть особенности его социально-группового окружения, в одних случаях доброжелательного, лояльного, в других - оппозиционного и даже враждебного. Он может иметь характер *научного документа*, достойного того, чтобы стать предметом самостоятельного профессионального анализа, который, в свою очередь, необходимо отнести к суверенному жанру научного исследования. В целом же, с учетом сказанного выше я вправе сделать вывод о существовании особой самостоятельной научной дисциплины - дискурсологии и, соответственно, рассматривать исследования, проводящиеся в ее рамках, как дискурсологические [6; 7; 11], подчеркивая при этом их неотделимость от особенностей самой - "материнской" - научной отрасли и органичную связь с последней. Что касается социологии, можно признать право на самостоятельный "социологический дискурс".

Обобщая сказанное выше, констатирую: социология как наука реально существует как специфическая *эвристика* (субъективная деятельность, заключающаяся в поиске, анализе фактов, открытии законов и закономерностей, прогнозировании и т.д.), и как *дискурс* - субъективная речемыслительная деятельность особого качества, которое фиксируется, если говорить на философском языке, лексемой "социологический дискурс". Приступая к его краткому рассмотрению, укажу следующий основополагающий факт. Появление науки социологии как самостоятельной научной дисциплины содержит не только эвристические моменты. Это сложный исторический процесс формирования и утверждения суверенного специфического дискурса, в коем и реализуется наука социология, социология как особая *речемыслительная* система, где органично связаны в неразрывное единство язык и мысль. Понимание такой связи - связи языка, как материально-знаковой человеческой деятельности, и мысли, как идеально-духовной человеческой деятельности в "сопринадлежности друг другу", как "взаимообоснования" (М. Фуко), получило окончательное и неоспоримое подтверждение в современной науке. Это можно рассматривать как одну из характерных черт ее неклассического эпистемологического образа.

Продолжая рассматривать социологию как особый научный дискурс, сделаю другое принципиальное заявление: история социологии есть история дискурсов со свойственными им качественными особенностями, сопряженными с рядом показателей: историческое время (эпоха), географическое место (регион), мировоззрение, методология, личность автора, научное направление, связь с той или иной школой, научным сообществом и т.д. Возьмем марксистскую социологию. Ее утверждение во второй половине XIX столетия означало появление и взрывообразное распространение особого дискурса, легко узнаваемого и популярного в политической публицистике. "Материализм" и "идеализм", "диалектика и метафизика", "капитал", "прибавочная стоимость", "социальное неравенство", "социальная несправедливость", "эксплуататорские и эксплуатируемые классы", "классовая борьба", "капитализм", "социализм", "коммунизм", "пролетариат", "буржуазия", "революция", "диктатура пролетариата", "освобожденный труд", "свободный человек", "всестороннее развитие личности", "базис" и "надстройка", "классовое сознание", "идеология", "коллективизм". Вот некоторые лексические единицы, начало которым положено в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и позднее В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Д. Лукача, А. Грамши, Л. Альтюссера и др. То были, однако, не только новые лексические единицы. Марксизм, как новое мировоззрение, как новое общественно-политическое движение, как относительно целостное социологическое течение, как суверенная социальная теория очень скоро стал

самостоятельной семантической системой со свойственными ей логическими, когнитивными основаниями. Одним словом, марксистская социология с ее глоссарием и с ее семантикой - это очерченная дискурсивная система, дискурс как процесс соответствующей речемыслительной субъективной деятельности и его, этого синкретичного процесса, социокультурный результат.

Возьмем другой случай. Структуралистская и постструктуралистская социология - научный продукт более позднего исторического времени. Родиной и ойкуменой структурализма и постструктурализма принято считать Францию середины XX столетия. Откроем книги К. Леви-Стросса - одного из основателей социологического структурализма. В них бросается в глаза своеобразный авторский словарь: "миф", "мифологии", "мифологический универсум", "референтный миф", "экзогамия", "первобытное мышление", "таксономические категории", "антропоморфизм", "ментальные структуры", "бинарные оппозиции". Эти и другие термины в концепции французского социолога наполняются соответствующим смыслом (семантикой), что сейчас позволяет нам говорить о "структурной антропологии" Леви-Стросса.

Аналогичным образом следует рассматривать социологический язык и социологическую мысль постструктурализма. Перелистаем работы М. Фуко. "Текст", "всеобщая грамматика", "эпистема", "архив", "имя", "описание", "обмен", "деривация", "матезис", "таксономия", "дискурсивные практики", "археология знания" - это не просто и не только словарь видного представителя позднего структурализма. Это элементы дискурса с присущими им значениями, автор которого, сам широко пользуясь понятием "дискурс", - правда, в довольно широком и не всегда в строго определенном смысле - неоднократно подчеркивал его "насильственное" действие (как и вообще "слова") на человека и человечество в целом. И вызвано это действие, скажу от себя, тем, что дискурс есть объективный факт реальной жизни общества. И как таковой он, сохраняясь в социальной памяти, детерминирует образ мышления, речевое поведение, характер исследований, проводимых поколениями ученых-социологов, регулирует и организует их профессиональную деятельность на протяжении десятилетий и веков.

Мы являемся свидетелями рождения и распространения в социологии нового дискурса, который можно смело связать с вступлением социологической науки в ее новую историческую фазу развития - постнеклассическую. Это дискурс науки синергетики. "Самоорганизация", "энтропия", "диссипация", "диссипативные системы", "иерархизация" и "деиерархизация", "бифуркация", "аттрактор", "тезаурус", "детектор", "селектор" - вот некоторые понятия, которые переключаются из молодой синергетики в социологию. И видимо, недалеко время, когда привычно будет говорить о новой, с достаточно специфичным дискурсом школе в социологии - школе "социальной синергетики".

Анализируя особенности дискурса как речемыслительной социокультурной системы, нельзя не обратить внимания на понятие, которое используется в специальной литературе, - "ментальный стереотип" [12; 13]. Одна из характерных особенностей дискурса и заключается в наполненности его подобными феноменами - ментальными стереотипами, при том что каждый из них включает содержание, строго скоррелированное с данной дискурсивной системой и инициирующее определенную реакцию у просвещенного реципиента, в нашем случае научного сообщества или отдельной личности, скажем, ученого-социолога. Будучи закреплены в дискурсе, ментальные стереотипы, кроме того, выполняют функцию распространения знания в коммуникативном пространстве и, что не менее важно, функцию объединения - в нашем случае - социологов. Именно ментальные стереотипы, включенные в содержание соответствующего социологического дискурса, служат реальным средством объединения социологов в научную школу, в более или менее утвердившееся научное направление. Именно ментальные стереотипы - и уже в более общем плане заключающий их дискурс - обеспечивают групповую конвенцию и профессиональное взаимопонимание. И он же, дискурс, с присущими ему ментальными стереотипами, служит поводом и реальным основанием разделения, о чем было сказано, научного сообщества на "сторонников" и "противников", является объективной причиной научной дискуссии, доходящей в нередких случаях до антагонизма. Типичным примером в социологии

(политической) таким дискурсом выступает "Манифест коммунистической партии", написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Рассуждая подобным образом, мы сталкиваемся с комплексом проблем, относящихся к дискурсивной коммуникативистике. Для начала сформулирую основополагающий принцип: дискурс является средством, формой, стимулом и интенцией профессиональной, в нашем случае - социологической коммуникации. И тут первостепенное значение приобретают достаточно острые вопросы герменевтики, а именно - вопросы восприятия и интерпретации дискурса реципиентом, уровня овладения дискурсивной семантикой, определения научной значимости положений, составляющих содержание данного дискурса, и т.д. Из сказанного видно, что любой научный (социологический) дискурс включает два момента: эндогенный и экзогенный. Первый (эндогенный) обусловлен особенностями автора дискурса. Второй (экзогенный) момент находит выражение в коммуникации, в нашем случае - научной, которой свойственны свои закономерности и специфические особенности. И если выделить среди последних собственно социологические, то это - профессиональное социологическое образование, эпистемологическая готовность читателя/слушателя (реципиента) к социологическому дискурсанализу и пр.

Вернемся к эндогенному аспекту дискурса, связанному с процессом его создания. Процесс создания дискурса есть творчество, творческий процесс, независимо от его качества. Кстати, судить о качестве дискурса может только реципиент, компетентный в данной научной области. В социологии таким реципиентом, понятно, может быть специалист соответствующей подготовки, способный к адекватному анализу и адекватным оценкам. Существенно указать и на факт, относящийся к творчеству дискурса. Последний не только создается автором, но и создается/воссоздается реципиентом (читателем или слушателем), причем непременно с соответствующими корреляциями и индивидуально-личными коррективами. Таким образом, дискурс вообще и социологический дискурс в частности живет двойной жизнью. Он и создается, и воссоздается. Причем воссоздание дискурса - это очень хорошо видно на многочисленных примерах из социологии - точно так же как и его, дискурса, создание, напрямую связано с личностными детерминатами реципиента (читателя, аналитика-ученого), социокультурными условиями: научными, политическими, техническими и др.

Касаясь дискурсивного творчества, нельзя не обратить внимания на авторитет автора. Не менее важными факторами, определяющими характер дискурса и его научный рейтинг, являются доказательность, убедительность, логика, новаторство, а в социологии - насыщенность конкретно-социологическими исследованиями и присутствие прошедших экспертизу фактологических материалов. Никогда не теряют актуальности вопросы аутентичности дискурса, которые обостряются при переводах на другие языки документов и публикаций как, например, при анализе сочинений Д. Г. Мида, издание которых осуществлялось на основе текстов лекций, записанных его учениками-студентами.

Определяя как эпистемологический образ в лингвистическом закреплении, в контексте социологической науки необходимо указать, что этот дискурс включает и концентрирует не только отличающиеся спецификой социологические знания (эпистемы). Он актуализируется в научном, социологическом, языке, в который трансформируется и в котором модифицируется язык конкретной языковой системы как элемента отдельной, с ее отличительным своеобразием, культуры, - североамериканской, немецкой, русской и др. В силу того, что социология обретает, как всякая наука, статус общечеловеческого знания, социологический дискурс независимо от языка изложения ("говорения", по М. Фуко) насыщается вненациональными элементами, в числе которых обращают на себя внимание получающие со временем все большее распространение общезначимые социологические смыслы. Социологический дискурс - это не только особое явление научного мира. Ныне это системный сегмент цивилизованного мира. Убедительным свидетельством такого положения выступают современная журналистика, публицистика, образование, политика, куда все более проникает социология с ее научным языком и семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003.
2. *Греймас А. Ж., Курте Ж.* Семиотика: Объяснительный словарь теории языка. М., 1983. С. 49 - 96.
3. *Махлина С. Т.* Словарь по семиотике культуры. М. 2009. С. 115 - 121.
4. *Можейко М. А., о. Сергей (Лепин).* Дискурс // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
5. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М., 2004. С. 519 - 531.
6. *Кравченко С. А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007. С. 148 - 155.
7. *Автономова Н. С.* Мишель Фуко и его книга "Слова и вещи" // *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
8. *Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс.* Сборник научных трудов. М., 2003.
9. *История теоретической социологии.* Т. 4. СПб., 2000. С. 618 - 620 и др.
10. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. М. -СПб., 2002.
11. *Dreyfus H., Rabinow P.* (eds.). Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago, 1982.
12. *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000. С. 162 - 178.
13. *Карасик В. И.* Речевое поведение и типы языковых личностей // *Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс.* М., 2003. С. 26 - 27.